

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В КОММУНИКАТИВНО-ТЕКСТОВОМ АСПЕКТЕ «ФАБРИКА ПРОЗЫ» Д. ДРАГУНСКОГО

И. А. Мартынова

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 79-ВГ).

Аннотация

Введение. Статья посвящена актуальной проблеме чужой речи в новейшей отечественной прозе. Целью статьи является анализ специфики современного изображения чужой речи, определение причин выбора и сочетаемости ее форм.

Материалы и методы. Основным объектом анализа является книга писателя Д. Драгунского «Фабрика прозы: заметки наладчика», развернуто демонстрирующая авторскую рефлексию на изображение чужой речи. Чужая речь рассматривается в коммуникативно-текстовом аспекте, что предполагает переход от ее содержательно-оценочной характеристики к анализу композиционно-речевых автономий автора, читателя и персонажа. В статье являются концептуально значимыми теоретические положения работ профессора С. Г. Ильенко о том, что чужую речь следует изучать как систему, рассматривая речевое поведение в целом. Применение функционально-композиционного и сопоставительного методов подтверждает гипотезу о ее жанрово-коммуникативной и семантической обусловленности.

Результаты исследования. В качестве текстовой зоны анализа определен монодиалогический фрагмент, изображающий коммуникативную ситуацию, в которой взаимодействуют композиционно-речевые автономии образов автора, персонажа и читателя. Установлено, что в заметках Драгунского доминирует ситуация противопоставления мнений образов автора и читателя, ведущих эксплицитный или имплицитный диалог-спор. В нем реализуется функциональный потенциал конструкций с прямой речью, которые выступают в роли сильных аргументов. Формы выражения расходящего мнения (свободная прямая речь, конструкция с косвенной речью, несобственно-прямая речь) регулярно подвергаются критической авторской оценке. Изменения в системе чужой речи (появление синкетических форм ее изображения, трансформация конструкций с прямой и косвенной речью и др.) происходят под влиянием аналитической тенденции русского синтаксиса, обусловлены развитием категории неопределенности, расширением сферы свободной речи.

Заключение. Анализ высказываний Драгунского позволяет уточнить представления о развитии чужой речи, о контаминации способов ее изображения в тексте. Полученные результаты найдут применение в филологических исследованиях современной прозы и актуальных процессов русского синтаксиса, в преподавании лингвистического анализа художественного текста и стилистики.

Ключевые слова: современная русская проза, чужая речь, композиционно-речевая автономия, образы автора и читателя, коммуникативная ситуация

SOMEONE ELSE'S SPEECH IN THE COMMUNICATIVE AND TEXTUAL ASPECT: A CASE STUDY OF D. DRAGUNSKY'S 'PROSE FACTORY'

I. A. Martanova

The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 79-VG).

Abstract

Introduction. This article examines the representation of 'someone else's speech' in contemporary Russian prose. The study aims to analyze the specific features of its modern textual realization and to identify the factors governing the selection and hybridization of its representational forms.

Materials and Methods. The analysis centers on Dmitry Dragunsky's literary work 'The Prose Factory'— the author's reflection on the concept of 'someone else's speech'. Employing a communicative-textual framework, the investigation moves beyond content evaluation to examine compositional and discursive autonomies. The methodological approach is informed by S. G. Ilyenko's theoretical proposition that 'someone else's speech' constitutes a systematic phenomenon requiring holistic analysis of speech behavior. The application of functional-compositional and comparative analytical methods substantiates the hypothesis regarding its genre-communicative and semantic determination.

Results. The study identifies mono-dialogical fragments as primary sites for analyzing communicative situations involving the interaction of authorial and reader personae. Dragunsky's textual practice demonstrates a predominance of confrontational discourse between these constructed identities, manifesting as either explicit or implicit polemical dialogue. Within this framework, direct speech constructions function as substantiating arguments, while expressions of popular opinion undergo systematic authorial critique. The evolution of indirect speech representation reflects the analytical trend in Russian syntax, elaboration of uncertainty markers and free discourse.

Conclusions. Dragunsky's literary practice provides significant insights into the ongoing transformation of 'someone else's speech' and the textual hybridization of its representational modes. These findings contribute to philological research on contemporary Russian prose and syntactic evolution, with additional applications in pedagogical contexts for teaching literary text analysis and advanced stylistics.

Keywords: contemporary Russian prose, someone else's speech, compositional and speech autonomy, author and reader personae, communicative situation

Введение

В русистике описаны разнообразные формы чужой речи: конструкции с прямой и косвенной речью, свободная прямая, несобственно-прямая и тематическая речь, диалогическое единство (Ильенко 2009, 320–337). При этом остается невыясненным ответ на вопрос: чем мотивирован выбор способа изображения чужой речи в тексте, особенно в такой его разновидности, как современная отечественная проза? Предлагаемая статья посвящена данной актуальной проблеме.

Основным объектом исследования послужила книга Д. Драгунского «Фабрика прозы: записки наладчика» (2022), трагическими хронологическими рамками которой являются даты смерти его матери и сестры (2007 г.—2021 г.). Драгунским глубоко осознана уникальность прозы:

Мы не «говорим прозой», как полагал герой Мольера. Мы говорим разговорной речью. А проза, ежели кому интересно, есть текст, организованный куда более сложно, чем стихи <...> Поэтому, кстати, прозаиков втрое меньше,

чем поэтов (загляните на серверы stihi.ru и proza.ru) (150)*.

Записки Драгунского, разнообразные по тематике, демонстрируют в том числе языковую рефлексию на изображение чужой речи. Объективность его суждений подтверждается обращением к произведениям других современных прозаиков (Д. Рубиной, А. Матвеевой, А. Слаповского и др.).

Применение функционально-композиционного и сопоставительного методов подтверждает гипотезу о жанрово-коммуникативной обусловленности чужой речи. Концептуально значимыми являются положения работ С. Г. Ильенко и членов ее научной школы (Ильенко 2003, 510–524, 544–561; Максимова 2005 и др.) о том, что чужую речь следует изучать, рассматривая речевое поведение в целом, а не только его отдельные формы, стабилизированные в языковом отношении.

* Здесь и далее в цитатах из книги Д. Драгунского «Фабрика прозы: записки наладчика» (2022) в скобках указываются номера страниц.

В лингвистическом исследовании необходим учет семантических координат *свой, чужой, иной, другой*, лежащих в основе системы чужой речи (Свинкина 2016 и др.). Современный прозаик озабочен точностью ее принадлежности, чем во многом обусловлен выбор способа ее изображения. В одной из заметок Драгунский привлекает внимание к известному афоризму о воспитанном человеке, который переосмыслился им в координатах *свой* (принадлежащий образу автора) / *чужой* (принадлежащий образу персонажа) как трюизм:

Часто повторяют: «Воспитанный человек — это не тот, который не прольет соус на скатерть, а тот, который не заметит, если это сделает кто-нибудь другой». При этом ссылаются на Чехова. Дескать, Чехов так писал и думал.

Да, эта фраза — из рассказа Чехова «Дом с мезонином». Но это говорит не рассказчик и уж точно не автор, а совсем другой человек (сосед Белокуров), по всем описаниям полный дурак и разиня. Глупый и никчемный человек изрекает какие-то пошлости, а мы их повторяем, освящая именем Чехова? (787).

Изменение образов автора, персонажа и читателя фиксируется уже в наименовании поколений конца XX — первой трети XXI вв. (*миллениалы, зумеры, Альфа, Бета* и т. д.). Образ автора вступает в сотрудничество с искусственным интеллектом (Черняк, Морозова 2024, 50–62), что демонстрирует, например, сборник рассказов, написанных вместе с Алисой на YandexGPT «Механическое вмешательство» (Благова и др. 2024). Круг персонажей современной русской литературы обновляется за счет оккультистов, демонов, архангелов и т. д., отнюдь не в их классическом понимании. Изменился и образ читателя. *Ханжа, непонятливый, тупой* читатель воспринимается современным прозаиком как *чужой*. Но в идеале читатели — «люди добрые и умные, трезвые и нежные <...>. Способные увидеть пошлость и злобу жизни, ужаснуться ей и заплакать над нею» (738). Образы автора и читателя не существуют отдельно друг от друга: «Недавно мне надо было найти цитату в повести Юрия

Трифонова “Другая жизнь”. <...> Кажется, сейчас так уже не могут. Нет, не писать! Сейчас так уже не могут читать» (831).

Если предоставить критикам и литературоведам исследование современной прозы в диахроническом, эстетическом и других аспектах, то лингвистам важен переход от содержательно-оценочной характеристики речи — к изучению композиционно-речевых автономий.

Композиционно-речевые автономии образов автора и читателя

В заметках Драгунского на первый план выступают композиционно-речевые автономии образов автора и читателя. Образ автора определяет свое место на шкале *свой — другой — иной — чужой*: «Интеллигент — это всего лишь один из образов **Другого** в нашем сознании. Как Мужчина (для женщины) и Женщина (для мужчины), как Ребенок, Старик, Нищий, Богач, Иностраниец и Еврей» (235).

В пунктуационно-графической аранжировке заметок Драгунского отсутствие кавычек нередко свидетельствует о выражении *своего мнения*, тогда как *чужое* требует традиционного оформления:

Был вопрос о Пушкине. «Согласны ли вы, что, застрелив Пушкина, Данте спас сотни тысяч школьников от дополнительной зурбажки?»

Мой ответ.

Нет, не согласен. Если бы Данте не застрелил Пушкина, Пушкин бы дожил до 1883 года, стал бы с помощью своего друга Горчакова министром просвещения... (718).

Образ автора может осознаваться как *иной* в текстовых фрагментах, демонстрирующих его метаморфозы (в постмодернистских стилизациях, во внутренней речи и др.). Ирония, окрашивающая свободную прямую и несобственно-прямую речь, мотивирована выражением *иного* или *чужого* слова, не принимаемого автором.

Синкетизм форм чужой речи возникает тогда, когда *образ* автора обретает *облик* (лик) повествователя. Дифференциацию этих по-

нятий подчеркивал В. В. Виноградов, о чем напомнила С. Г. Ильенко (Ильенко 2003, 573, 576). Образ автора ориентирован на нарратив, что мотивирует выбор форм с «выключенным» или неопределенным звуком (тематическая и свободная прямая речь, конструкция с косвенной речью), тогда как облик автора, как и образ персонажа, должен быть «увиден» и «услышан», для чего используются конструкция с прямой речью и диалогическое единство.

В отличие от персонажа, образ читателя, может оставаться как бы в затемнении, что соответствует распространенной авторской декларации *пишу не для читателей*. Однако в современной прозе ощущимы сигналы его отнюдь не постоянного присутствия в тексте. Одним из стимулов экспликации образа читателя является языковая рефлексия, когда автор «втягивает» его в диалог:

...нельзя комментировать только что набросанную на могилу рыжую глинистую землю; как нельзя обсуждать долгий дождь и внезапное солнце, прибрежную осоку, застрявшую и забытую в ней полузатопленную лодку и всё прочее, что нельзя понять и даже толком почувствовать, а можно лишь — не пережить.

Да, да. Не «пережить», а именно что — «не пережить» (826).

Коммуникативные ситуации речевого взаимодействия образов автора и читателя

Лингвистам необходимо определить текстовую зону анализа чужой речи. В данном случае в ее качестве выступает фрагмент, изображающий коммуникативную ситуацию, в которой взаимодействуют композиционно-речевые автономии образов автора и читателя. Ситуация взаимодействия образов автора и читателя представляет собой диалогему — текстовую единицу, состоящую из диалога, эксплицитного или имплицитного, с окружающим его монологическим контекстом (Ильенко 2003, 500). Эксплицитный диалог, как правило, предстает в форме вопросно-ответного комплекса:

«Какой же это друг после всего этого?» — спросите вы. «А вот такой и друг! — отвечу я. — В остальном он может быть очень хорош: благороден и добр; тут же бросается на помощь; щедро делится своими связями и знакомствами; умен и начитан, с ним интересно беседовать... Но! Но при этом лгунишка, сплетник и т. д...» (836).

Имплицитный (*тайный*, по определению Драгунского) диалог образов автора и читателя становится явным, благодаря авторским репликам, опровергающим подразумеваемые реплики читателя: «Несколько дней был в Кемерове. Книжный фестиваль. Большой красивый европейский, да, да! Совершенно европейский город. Стиль улиц, стиль разговоров...» (897).

Выбор типа диалога с читателем обусловлен образом автора. Если Драгунский предпочитает имплицитный диалог, а из эксплицитных — гипотетический разговор с читателем, то, например, Д. Рубина — эксплицитный диалог разговорно-просторечного типа (Рубина 2024). В любом случае ведущая роль в диалоге принадлежит образу автора, владеющему разнообразными способами руководства читательским восприятием текста. Излюбленными речевыми жанрами Драгунского в общении с читателем являются совет, объяснение, рассказ, притча, беседа. При этом исчезают жанры эпиграммы, пародии, анекдота. Центральным в записках Драгунского является образ рефлексирующего автора-спорщика. Коммуникативная ситуация, в которой он опровергает общепринятое мнение, в том числе читательское, закономерно приводит к диалогизации текста. В нем реализуется функциональный потенциал конструкций с прямой речью, которые выступают в роли сильных контраргументов, тогда как излюбленные формы выражения расхожего мнения (свободная прямая речь, конструкция с косвенной речью, несобственно-авторская речь) подвергаются критической оценке:

Постоянно слышу: настояще искусство — это когда ничего не надо объяснять! Оно само трогает нас за душу, будит чувства и мысли.

О нет. Классическое искусство требует подробных и долгих объяснений (158);

Конечно, язык сам развивается. Но что значит «сам»? Кто-то видел язык сам по себе, без его носителей? То-то же. Поэтому в «саморазвитие языка» включено и активное сопротивление всякой шелухе и бессмыслице (249).

Столкновение композиционно-речевых автономий конкретизируется в коммуникативной ситуации «настоящее/прошлое» (или «прошлое/настоящее»). Темпоральная характеристика речи, своей и чужой, выявляет признаки *современности*. Она не тождественна *новизне* общения писателя с читателем (на сайтах, при помощи СМС и т. д.): для Драгунского современность прозы предполагает прежде всего отрицание ее официозности, шаблонности и красивости. В ситуации сопоставления или противопоставления прошлого и настоящего исследуется жизнь слова, фразы, даются их оценочные определения, фиксируется авторская переоценка речи: *жестокие слова; модное, лихое замечательное словосочетание, некогда любимая фраза* и др.

Образ автора опровергает массовую языковую и речевую рефлексию, которая не отличается точностью и конкретностью. Достоверность ситуаций все чаще подтверждает не сторонний наблюдатель (возможно, неназванный носитель точки зрения), типичный для литературы XIX–XX вв., а сторонний слушатель, в роли которого выступает образ автора: «Ужасное. Иду по улице, сзади слышу разговор. Мужчина говорит...» (136).

Следует признать, что ситуация взаимодействия современных образов автора и читателя — это нередко ситуация взаимного непонимания, коммуникативных неудач, в которых автор обвиняет читателей, не способных думать и слышать себя и других. Избирая жесткую прямолинейную оценку своего речевого акта, автор не церемонится с читателем, используя императивы:

Успокойтесь вы все-таки насчет слова «кушать». Антон Павлович Чехов «кушал». Не его герой, а он сам (828);

Эти люди не слышат, что в слове «шутинг» (русскими буквами и с русским произношением) виднеется «шутка», «шут». Шутинг — что-то шутливое.

Скажу кратко и зло:

— Тупые попугаи, прикусите свои косные языки! Говорите по-русски! (882)

Способы выражения чужой речи

Обращение к книге Драгунского позволяет уточнить представления о способах выражения чужой речи. В их ряду конструкция с прямой речью (КПР) по-прежнему остается уникальной синтаксической единицей (Ильенко 2003, 28–35), что не исключает ее трансформации в современном прозаическом дискурсе. В заметках Драгунского вполне возможна такая парадоксальная гипотетическая КПР:

Проснулся. Подумал — жаль, что Сталин во сне **не сказал**:

— А вот писатель Зощенко сочиняет враждебные и пошлые книжонки. Ему не место на книжной полке советского человека, а вот вы как считаете, товарищ? (333)

Единство конструкции размывается в результате отрыва друг от друга ее частей — собственно прямой речи и так называемых слов автора. Отделенная от вводящих слов, прямая речь все чаще оформляется при помощи скобок как вставные компоненты разного объема: «...лихое словечко “хтоны” (“это вообще такая хтоны!”) — правильнее, чем не пойми откуда взявшейся “хтонос”» (834).

Некомментированная вводящими словами прямая речь — это голос массового или обобщенного субъекта речи, реже — голос одного персонажа. Отрыв прямой речи от слов автора сближает КПР со свободной прямой или с несобственно-прямой (преимущественно с несобственно-авторской) речью. Изменения происходят и с вводящими словами, которые используются наряду с другими способами манифестации авторского присутствия (подписями, сносками и т. д.). Драматургичность современной прозы прово-

цирует ремарочное представление слов автора:

Он (мечтательно). А вечером мы будем чай пить с деревенским хлебом, сыром и медом!

Она (со стоном). Господи, да мы только что из кафе! (742)

Если прямая речь нередко оформляется как вставной компонент, то слова автора тяготеют к вводным компонентам, на что в свое время указывал А. Г. Руднев (Руднев 1959). Синкетизм слов автора и вводных компонентов особенно очевиден в свободной прямой речи: «Молодой человек, **сказали мама с папой**, должен...» (759). Скобочное оформление вводящих слов подчеркивает градацию субъектов речи (бабушка / мама / образ автора): «Открываю я буфет — и чего там только нет! — говорила моя бабушка Аня во время войны (мама рассказывала). — Хлеба нет. Сахара нет. Крупы тоже нет...» (129).

На трансформацию КПР влияет не только аналитическая тенденция развития русского синтаксиса, но и расширение сферы свободной речи, развитие категории неопределенности. Свободная прямая речь отличается от КПР не только пунктуационно-графическим оформлением (прежде всего снятием кавычек), являющимся производным от ее сущности: в отличие от КПР, она принципиально неточна, неопределенна в передаче чужой речи. Неопределенность, в свою очередь, приводит к типизации субъектов речи (*лирики, простые русские люди* и т. п.) или коммуникативной ситуации в целом:

У нас, когда хотят человека упрекнуть и уязвить, говорят ему:

— Ага! Легких путей ищешь? (108)

Близость конструкции с косвенной речью и свободной прямой речью обнаруживается в высказываниях с формами множественного числа или среднего рода субъекта и предиката. О сдвиге в сторону *свободной* речи свидетельствует также указание на шаблонность фразы (*обычно, часто* говорят и т. п.):

«Когда говорят, что “интеллигенция страшно далека от народа” и что эту пропасть надо преодолевать — что имеется в виду?» (133). Возможно, стоит расширить представление о формах чужой речи за счет введения понятия *свободная косвенная речь*?

Контаминация форм чужой речи

Отдельно стоит вопрос о контаминации (не синкетизме) разных способов выражения чужой речи (в следующем примере — КПР и несобственно-прямой речи):

Вчера на встрече с читателями Кабаков, 1943 г. рождения, что-то нелестное сказал о Сталине. Тут же вскочила дама никак не старше 50 лет и вскричала: «Мы, люди старшего поколения, не можем согласиться с огульным очернением...» и т. п. То есть «люди старшего поколения» — это не возраст, это идеология. Смешно? Не очень. Скоро в культурно-идеологическое начальство выбытые «люди старшего поколения», которые годятся мне в дети (349).

Свободная косвенная речь закономерно сочетается с гипотетической прямой речью (без вводящих слов), вследствие их априорной неточности:

Лев Толстой, говорят, хотел встретиться с Достоевским. А Достоевский — нет, не хотел. **Говорил, что ему трудно будет разговаривать с автором «Войны и мира».** Что он имел в виду? Неужели какие-то счеты по поводу всероссийской славы? «Не могу я с ним встречаться! Как же-с — автор «Войны и мира» передо мной будет сидеть. Да еще на семь лет меня моложе. Нет-с, господа, и не уговаривайте. Непременно выйдет какой-нибудь надрыв. А то и припадок-с». Или все-таки нечто другое? (41)

Комбинаторика форм чужой речи обнаруживается в диалогеме, с присущим ей изменчивым балансом монологической и диалогической частей, при априорном доминировании последней. К монологичности тяготеют тематическая, несобственно-прямая, свободная прямая речь, конструкция с косвенной речью, а к диалогичности —

конструкция с прямой речью и диалогическое единство. В следующей заметке создается сочетание тематической, свободной прямой речи и КПР со стандартной языковой стабилизацией предиката (*спросил*), потому что Драгунскому важны прежде всего тема и лаконичное выраженное содержание высказываний, а не речевая манера говорящих:

В 13.00 позвонили из телекомпании «Мир» с просьбой дать позитивный комментарий по поводу присуждения Светлане Алексиевич Нобелевской премии. Я спросил: «А что, никакого другого более маститого писателя не нашлось?» Отвечают: «Не нашлось. Одни возмущены, другие не хотят комментировать» (355).

Очевидно, не все современные авторы испытывают эйфорию, изображая полифонию окружающего мира. Она характерна для стиля Рубиной, которая использует широкий арсенал средств визуального озвучивания текста (шрифт, размер, пробелы, курсив и др.). Если у Драгунского на первый план выступают содержание речи и рефлексия говорящих, то для Рубиной речь — это звучащий (и благодаря этому зримый) пример индивидуальности персонажа. В этом отношении показательно вторичное изображение коммуникативной ситуации из повести Рубиной в заметке Драгунского:

В старой хорошей повести Дины Рубиной — мужчина, несчастный, бесприютный, жалкий, помятый и немытый, но милый и очень талантливый, стоит перед женщиной в прихожей ее квартиры. <...> Он уходит, но видно, что идти ему некуда. Она, повинуясь какому-то странному чувству, которое почему-то называют то «бабьим», то «материнским», вдруг тихо говорит ему:

— Оставайтесь.

И довольно скоро, не прошло и года, он кричит ей из-за двери:

— Принеси мне свежую рубашку!

Она думает: «Черт... Как, однако, быстро он полюбил свежие рубашки» (116).

В данной диалогеме последовательно сменяют друг друга несобственно-прямая речь (*называют то «бабьим», то «материн-*

ским»); диалогическое единство, объединяющее, несмотря на значительный временной промежуток, диссонирующие реплики персонажей; КПР, изображающая внутреннюю речь персонажа.

Внимание Драгунского к чужой речи обусловливает разнообразие ее текстовой трансформации: упражнения на конструирование диалогем для начинающих писателей и читателей (876–878); ироничные жанровые вариации (830); сопоставление перевода (*чужое*), оригинала (*свое*) и подстрочника (*иное*) стихотворения Шиллера (819) и др.

Заключение и выводы

Писательский взгляд на современную прозу и на современную языковую ситуацию позволяет развить лингвистические представления о *чужой речи*, объясняя особенности ее пунктуационно-графической аранжировки в коммуникативно-текстовом аспекте.

Обращение к книге Драгунского подтвердило необходимость концептуального переосмыслиния системы чужой речи с опорой на понятия *коммуникативная ситуация* и *композиционно-речевая автономия*. Очевидное изменение образов автора, персонажа и читателя должно получить не только содержательно-оценочную, но и собственно лингвистическую характеристику.

Размышления Драгунского о времени и о себе имеют отношение к современной прозе в целом. Они подтвердили значимость лингвистической интерпретации образов автора и читателя в семантических координатах *свой — иной, другой, чужой*. В лаконичных заметках Драгунского центральным является образ рефлексирующего автора-спорщика, в них доминирует ситуация противопоставления или сопоставления мнений образов автора и читателя, ведущих эксплицитный или имплицитный диалог-спор.

Анализ высказываний Драгунского позволяет уточнить представления о развитии чужой речи, о контаминации способов ее изображения в тексте (КПР и несобственно-прямой речи, свободной косвенной и гипотетической прямой речи). Изменения, про-

исходящие в системе чужой речи (трансформация КПР, появление свободной косвенной речи и др.), возникают под влиянием аналитической тенденции русского синтаксиса, диктуются развитием категории неопределенности, расширением сферы свободной речи.

Исследование чужой речи в коммуникативно-текстовом аспекте предполагает обращение к другим произведениям современной русской прозы, его выводы и материалы будут востребованы в преподавании широкого спектра лингвистических и литературоведческих дисциплин.

ИСТОЧНИКИ

Благова, Д., Толстая, Т., Идиатуллин, Ш. и др. (2024) *Механическое вмешательство. 15 рассказов, написанных вместе с Алисой на YandexGPT*. М.: Альпина, 282 с.

Драгунский, Д. В. (2022) *Фабрика прозы: записки наладчика*. М.: АСТ, 902 с.

Рубина, Д. И. (2024) *Дизайнер Жорка. Кн. 1*. М.: Эксмо, 167 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильенко, С. Г. (2003) *Русистика: избранные труды*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 674 с.

Ильенко, С. Г. (2009) *Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 398 с.

Максимова, Н. В. (2005) «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: Издательский центр «Российский государственный гуманитарный университет», 316 с.

Руднев, А. Г. (1959) *Синтаксис осложненного предложения*. М.: Учпедгиз, 198 с.

Свинкина, М. Ю. (2016) Градуальная оппозиция «свой — иной, другой, чужой» в русском и немецком языках. *Научный диалог*, № 6 (54), с. 94–105.

Черняк, М. А., Морозова, С. А. (2024) «Свет мой, GPT, скажи...», или феномен художественного текста постлитературной эпохи. *Mir russkogo slova*, № 4, с. 50–62. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.406>

SOURCES

Blagova, D., Tolstaya, T., Idiatullin, Sh. et al. (2024) *Mekhanicheskoe vmeshatel'stvo. 15 rasskazov, napisannykh v meste s Alisoj na YandexGPT* [Mechanical intervention. 15 short stories written with Alice on YandexGPT]. Moscow: Al'pina Publ., 282 p. (In Russian)

Dragunskij, D. V. (2022) *Fabrika prozy: zapiski naladchika* [The Prose Factory: Notes of the adjuster]. Moscow: AST Publ., 902 p. (In Russian)

Rubina, D. I. (2024) *Dizajner Zhorka. Kn. 1* [Designer Zhorka. Book 1]. Moscow: Eksmo Publ., 167 p. (In Russian)

REFERENCES

Chernyak, M. A., Morozova, S. A. (2024) “Svet moj, GPT, skazhi...”, ili fenomen khudozhestvennogo teksta postliteraturnoj epokhi [“Mirror, mirror, GPT, tell me...” or the phenomenon of literary texts in the postliterary era]. *Mir russkogo slova — The World of the Russian Word*, no. 4, pp. 50–62. <https://doi.org/10.21638/spbu30.2024.406> (In Russian)

Il'enko, S. G. (2003) *Rusistika: izbrannye trudy*. [Russian Studies: Selected Works]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 674 p. (In Russian)

Il'enko, S. G. (2009) *Kommunikativno-strukturnyj sintaksis sovremenennogo russkogo jazyka* [The communicative and structural syntax of the modern Russian language]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 398 p. (In Russian)

Maksimova, N. V. (2005) “Chuzhaya rech’” kak kommunikativnaya strategiya. [“Another’s speech” as a communicative strategy]. Moscow: Russian State University for the Humanities Publ., 316 p. (In Russian)

Rudnev, A. G. (1959) *Sintaksis oslozhnennogo predlozheniya* [The syntax of a complicated sentence]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 198 p. (In Russian)

Svinkina, M. Yu. (2016) Gradual'naya oppozitsiya “svoj — inoj, drugoj, chuzhoj” v russkom i nemetskom jazykakh [Gradual opposition “Own — different, another, alien” in Russian and German languages]. *Nauchnyi dialog*, no. 6 (54), pp. 94–105. (In Russian)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

МАРТЬЯНОВА Ирина Анатольевна — *Irina A. Martianova*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

SPIN-код: 2761-1749, Scopus AuthorID: 58119949000, ORCID: 0000-0003-3526-317X, e-mail: irine.pismo@gmail.com

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка.

Поступила в редакцию: 31 мая 2025.

Прошла рецензирование: 2 июля 2025.

Принята к печати: 30 сентября 2025.